

СЕРЕБРЯНАЯ
ЭЛИТА

ДАНИ
ФРАНСИС

INSPIRIA
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф83

Dani Francis
SILVER ELITE

Copyright © 2025, SILVER ELITE by Dani Francis
the moral rights of the author have been asserted

Школа перевода В. Баканова

Перевод с английского *Наталии Холмогоровой*

Художественное оформление *Екатерины Петровой и Таисии Шарбьевой*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Xharites, vectorstuff / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM
Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© quadrazo / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Франсис, Дани.

Ф83 Серебряная Элита / Дани Франсис ; [перевод с английского
Н. Холмогоровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-226289-0

В мире, где за сверхспособности казнят, а за предательство убивают, любовь — самое опасное оружие. И правила выживания просты.

На Континенте Примы — обычные люди — правят миром. Моды — носители сверхспособностей — обречены на смерть. Рен Дарлингтон, гениальная Модифицированная, всю жизнь провела в бегах. Одна ошибка — и она попадает в Серебряную Элиту.

Здесь обучают технике допроса, рукопашному бою, владению оружием и работе под прикрытием. Учат охотиться на таких, как Рен. И чтобы выжить, ей придется стать лучшей ученицей.

Но есть проблема: новый командир Кросс Редден. Безжалостный. Красивый. Опасный. Он видит людей насквозь. Напряжение между героями растет — электрическое, неправильное, запретное. И вскоре Рен понимает: будущее мира зависит от того, сумеет ли она укротить свои чувства к тому, кто должен ее убить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-226289-0

© Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2026

Женщинам, которые пробивают себе путь в нашем мире.

Тем, чьи победы вдохновляют меня изо дня в день.

За каждую выигранную вами битву,
за каждую преодоленную вами преграду.

ГЛАВА 1

Я росла в беспросветной, нескончаемой, удушливой тьме.

Хотела бы сказать, что преувеличиваю, — но нет. Мне было пять, когда дядя тайком вывез меня из города и поселился вместе со мной в Черном Лесу, в стране детских кошмаров. Там, где всегда темно.

Помню, как широко я раскрыла глаза, впервые увидав этот зловещий черный туман, что струился от земли и поднимался высоко над древесными кронами. Помню ужас, пробравший до костей, панику, сжавшую горло, когда со всех сторон нас окружил непроглядный мрак. Помню, как меньше чем через час пути по лесной тропе наткнулась на череп. Присела, чтобы узнать, обо что споткнулась, — и, хоть не было видно ни зги, нащупала гладкую, отполированную временем кость и зияющие дыры глазниц.

Я спросила дядю Джима, что это, и он ответил: «Просто камень».

Мне было пять лет, но я поняла, что он лжет.

Это был первый, но не последний скелет, встреченный в Черном Лесу, — и через три года, когда мы вернулись к цивилизации, к страху я уже притерпелась. Теперь глазом не моргну, даже если хищник бросится на меня, целясь в глотку. И если самолет Структуры сбросит бомбу на наш дом, мое сердце не забьется быстрее.

Ребенком я каждый день каменела от страха — вряд ли теперь что-то способно меня напугать.

Разве что... ну да, пожалуй. Неловкие разговоры.

Честное слово, проще с кугуаром сразиться голыми руками, чем вести очередной неловкий разговор!

— Куда это ты?

Вот черт! Зря старалась выскользнуть из кровати бесшумно и его не разбудить.

Голос у молодого солдата хрипловат со сна и звучит расслабленно. Застегивая джинсы, бросаю взгляд на постель. Вспоминаю, что он лежит под этой тонкой простыней совсем голый.

— А... э... никуда. Просто решила одеться. Что-то холодно стало, — отвечаю я, разглаживая край черной майки-безрукавки над следом от ожога на левом бедре.

Старый шрам с неровными краями, что начинается под талией и доходит до середины бедра, — постоянное напоминание о том, кто я. И почему не должна оставаться с этим парнем дольше необходимого.

Ему я сказала, что это след от несчастного случая. Когда была маленькой, на меня опрокинулась кастрюля с кипятком.

Это даже не совсем ложь.

Но знай он, что скрывается под изуродованной плотью, — вряд ли стал бы гладить мои шрамы с таким бесконечным состраданием.

— Иди ко мне. Я тебя согрею, — обещает он.

Выдавив из себя улыбку, встречаюсь с ним взглядом. У него красивые глаза. Темно-карие.

— Подождешь минутку? Теперь, когда встала, вдруг поняла, что мне нужно в туалет. Ты говорил, уборная за углом?

Не звучит ли в моем голосе нетерпение?

Кажется, звучит. Ну и плевать. Мне в самом деле не терпится смыться. Уже очень поздно, я обещала вернуться гораздо раньше. Предполагалось, что заеду в поселок ненадолго, поздороваюсь с друзьями, собравшимися на площади по случаю Дня Освобождения, выпью рюмочку — и домой.

А не пойду в гостиницу трахаться. Да еще и с кем? С солдатом из Структуры!

Отмечать на Континенте почти нечего. Давно прошли времена тех идиллических праздников, о которых мы читаем в книгах по истории. И, честно сказать, есть какая-то горькая ирония в том, что горстка выживших Измененных пляшет, пьет и занимается любовью в честь события, приведшего к уничтожению их народа. Но моды¹ любят танцы, выпивку и секс — так почему бы не повеселиться, когда есть возможность? Неважно, по какому поводу.

— Ты ведь не собираешься от меня сбежать? — спрашивает он, вроде бы шутливо, но в голосе слышно беспокойство. Черт, он меня раскусил.

— Что ты, конечно, нет!

Наклоняюсь застегнуть молнию на сапогах, говоря себе, что сделала глупость. Вообще-то стараюсь не спать с парнями из Структуры... по крайней мере, не превращать это в привычку. Но у солдат есть важное достоинство: сегодня они здесь, а завтра там. Военные вправе покидать Базу не больше трех раз в год, значит, отношения с ними в любом случае долго не продлятся.

— Вот и хорошо. Потому что я пока не готов тебя отпустить, — с улыбкой отвечает солдат. Ему двадцать пять, и несколько минут назад он был со мной очень нежен.

А я даже не помню, как его зовут. Стыдно... наверное.

Беру винтовку, перекидываю ремень через плечо. Замечаю, что он на меня смотрит.

— Что?

— Ты сейчас просто огонь! — говорит он и прикусывает губу.

— Серьезно?

— Еще бы! В городе девушку со стволом не встретишь.

Он прав. В столице простые граждане не ходят вооруженными. Прежде всего поэтому мы с дядей поселились в Окру-

¹ Моды — сокращение от Modified (англ. «измененный»). (Здесь и далее прим. перев.)

ге Z, на западном краю Континента. Это производственный округ, здешние жители занимаются земледелием и скотоводством, и гражданам разрешено владеть оружием. Разумеется, все стволы зарегистрированы, за каждым — строгий надзор и учет. Чтобы получить лицензию, нужно доказать, что умеешь с ним обращаться, — но это-то для меня проблемой не было. Разрешение на огнестрел я получила в тринадцать лет. И обращаться с ним умела так, как никому из проверяющих и не снилось. Дядя Джим специально предупредил, чтобы на проверке я «не выпендривалась», не привлекала внимания к своему мастерству.

— Здесь это обычное дело, — отвечаю я. — Каждую ночь к нам на ранчо являются белые койоты, стараются задрать парочку коров.

Он смеется:

— Как-нибудь заеду к тебе на ранчо, посмотрю, как ты там управляешься!

Эта реплика, произнесенная самым беззаботным тоном, возбуждает во мне подозрения. С чего ему вздумалось навещать меня на ранчо? Это безобидная любезность или пора начинать беспокоиться?

Со Структурой всегда лучше перебдеть, чем недобдеть, так что я быстро открываю тропу и прошупываю его разум. Щит у него крепче стал. Будь у меня время, можно было бы поискать в нем слабые места, но пробить с ходу не выйдет. Ничего удивительного. Один из первых навыков, которому учат военных, — защищать свое сознание от модов. И это понятно. У примов¹ нет наших способностей. Они не умеют проникать в чужие мысли — и не чувствуют, когда в их мысли пытается заглянуть кто-то другой (мы, моды, воспринимаем это как электрический разряд). Им приходится быть настороже.

Я обрываю связь. Ладно, попытка не пытка. Единственный раз мне удалось заглянуть к нему в голову полчаса на-

¹ Примы — сокращение от Primitive (англ. «изначальный, основной»).

зад, когда оба мы были голышом, — и услышала я только: «Да, да, вот так, не останавливайся!»

Не скрою, звучало лестно.

— А ты и в туалет ходишь со стволом? — спрашивает он, подняв бровь.

— «Все зарегистрированное на вас оружие должно находиться при вас в любое время», — цитирую я памятку для владельца оружия, которую выдают вместе с лицензией. — Так что погрей для меня постель. Скоро вернусь.

Возвращаться я не собираюсь. Честно говоря, едва удерживаюсь, чтобы не рвануть к двери бегом.

— Я покажу, куда идти, — предлагает он.

Я открываю рот, чтобы отказаться, но он уже встал с кровати и натягивает штаны. По крайней мере, он в гражданском. Вряд ли парню в темно-синей форме Структуры удалось бы меня возбудить. Несмотря на эпизодические загулы с солдатами, вообще-то я этих уродов терпеть не могу, а они по большей части отвечают мне тем же. Основная их работа — стирать с лица земли таких, как я, «девиантов». Так они нас называют. Или «среброкровок» — это прозвище чуть поласковее.

Как по мне, единственная девиация здесь — Генерал Редден и его иррациональная ненависть к модам. Мы ведь не по своей воле такие. Полтора-два десятилетия назад какие-то идиоты развязали войну, породившую биотоксин, из-за которого на свет начали появляться мы. У нас не было выбора.

Каждая клетка моего тела вопит: «Беги!» — однако я позволяю солдату вывести себя за дверь. Мы идем по гостиничному коридору, застеленному винно-красным ковром. Сворачиваем за угол.

— Сюда. — Как истинный джентльмен, он открывает передо мной дверь.

— Спасибо, — снова заставляю себя улыбнуться. — Встретимся в номере.

— Если заблудишься, покричи, и я прибегу на выручку, договорились?

Зайдя в уборную, останавливаюсь за дверью и прислушиваюсь к звуку его шагов. Шумно выдыхаю, когда шаги удаля-

ются. Смотрю в зеркало. Смуглое лицо разругалось — это от секса. Взгляд выдает нетерпение. Этот сегодняшний парень расточал обильные комплименты моим глазам — медово-карим, с золотистыми искорками.

Дядя говорит, глаза у меня материнские. Но я не помню лица матери, и это меня тревожит. Мы расстались, когда мне было пять, — в этом возрасте дети уже многое запоминают. Почему же мама стерлась из моей памяти? Иногда кажется, что вспоминаю голос, улыбку, но, быть может, это просто мое сознание старается заполнить пробелы.

Жду еще целую минуту, затем выхожу из уборной. Хочется бежать, но рано: чтобы добраться до лестницы, ведущей на первый этаж, нужно пройти мимо его номера. Придется идти на цыпочках.

Задержав дыхание, огибаю угол и крадусь по вытертому ковру. Я уже в конце коридора, когда вижу, как поворачивается ручка его двери.

Я действую инстинктивно: бросаюсь в соседний номер и захлопываю за собой дверь.

Вломиться в чужую комнату, возможно, не самое мудрое решение; и действительно, всю глубину своей ошибки осознаю в следующую же секунду, когда поперек груди меня хватает чья-то мускулистая рука.

— Стоять! — приказывает мужской голос.

И снова я действую на инстинктах: взметнув руку, впечатываю кулак в чужую челюсть.

Но хозяин челюсти даже не морщится. Быстрее, чем успеваю моргнуть, он срывает с меня винтовку и швыряет на пол. Затем разворачивает меня к себе лицом и прижимает к двери. Мощная фигура угрожающе нависает надо мной, рука поперек моей груди тверда, как сталь.

— Ты кто такая, мать твою? — рычит он мне в ухо.

Сердце готово выскочить из груди. Я облизываю пересохшие губы.

— Я...

Поднимаю взгляд — и забываю все, что хотела сказать, когда вижу его лицо.

Ох!

Определенно, решив поразвлечься, я выбрала не того кандидата.

Этот незнакомец... невероятно хорош собой. Никогда еще я не встречала настолько красивых людей, ни мужчин, ни женщин. Мгновенно тону в его голубых глазах, осененных густыми ресницами. Темные волосы, зачесанные назад, открывают безупречное, словно высеченное из камня лицо. Легкая небритость подчеркивает волевой подбородок, в одном из углов рта ощущается намек на ямочку. Только намек. Интересно, появляется ли ямочка, когда он улыбается? Впрочем, судя по холодному, опасному блеску глаз, улыбается этот человек не слишком часто.

— Если ты хотела меня убить, то уже провалила задание.

— Убить? — повторяю я, выдернутая из своих мыслей. — Я здесь не за этим.

— Не за этим? — За спиной у него что-то гремит. Это он ногой отпихнул подальше винтовку, и мне требуется большое усилие воли, чтобы не рвануться за ней. — Ворвалась среди ночи с оружием ко мне в номер и хочешь, чтобы я поверил в чистоту твоих намерений?

— Да верь во что хочешь! — огрызаюсь я и пытаюсь его оттолкнуть. Напрасные усилия. Руку незнакомца не удастся сдвинуть ни на дюйм. — Убивать тебя я не собиралась.

— Тогда что это, визит вежливости? — Он мимолетно облизывает уголок рта, опускает взгляд на вырез моей майки, перечеркнутый его мощной рукой. — Весьма польщен, но не заинтересован. На сегодня с меня хватит постельных приключений. — И добавляет с усмешкой: — Зашла бы пораньше, когда здесь была моя гостя, — мы бы устроили вечеринку на троих!

У меня отвисает челюсть:

— Серьезно? Нет уж, обойдусь! Я здесь прячусь, идиот ты несчастный!

Он, заинтригованный, приподнимает бровь:

— От кого?

— Не твое собачье дело. Может, будешь так любезен и уберешь руку? Я дышать не могу!

— Не-а. По-моему, ты прекрасно дышишь.

Неправда. Всякий раз, втягивая в себя воздух, я вдыхаю его запах. Сложный, неопределимый аромат с нотками кожи, смолы и каких-то пряностей. Просто невероятный. И его тело... таких просто не бывает! Незнакомец высокий, широкоплечий, с гладкими мускулами; вижу, как вздулись бицепсы от того, что удерживает меня у двери. Представляю, каков он без одежды!

— Отпусти меня! — требую я. — Прости, что так вломилась, — но, честное слово, я ничем тебе не угрожаю.

— А почему с винтовкой?

— Я работаю на ранчо. На винтовку есть лицензия.

Он вглядывается мне в лицо, на миг его взгляд задерживается на губах. Хоть сердце под этим взглядом и начинает стучать с перебоями, я пользуюсь моментом и бью его коленом в пах. Точнее, пытаюсь ударить. Даже не моргнув, он перехватывает мое колено, дергает — и в следующий миг я приземляюсь задницей на пол, а незнакомец всей своей тяжестью обрушивается на меня сверху. Его длинные ноги пригвозждают меня к полу, локоть упирается мне в горло. Вот теперь и вправду не могу дышать!

Хватая ртом воздух, упираюсь обеими руками ему в плечи — но не могу сдвинуть ни на дюйм. Он насмешливо смотрит на меня сверху вниз.

— Не очень-то это вежливо, — замечает он. — Врываться в чужой номер, да еще и лупить хозяина по яйцам!

Ответить не получается: он перекрыл мне доступ воздуха. Снова пытаюсь сбросить его с себя — и опять безуспешно. Боже, до чего же он сильный! Я-то считала, что умею драться. Дядя тренировал меня с пяти лет. Но вот, пожалуйста, лежу под незнакомцем плашмя, вдавленная в пол его могучим телом, и ничего не могу сделать.

Впрочем, нет. Кое-что могу.

Еще один важный урок, который преподал мне дядя: чтобы победить в бою, используй любое преимущество. Запре-

щенных приемов не бывает. А у женщины, которая дерется с мужчиной, есть в запасе один безотказный прием.

— Не могу сказать, что об этом жалею, — выдавливаю я, сипя от недостатка кислорода. — Результат меня устраивает.

— Результат? — подозрительно переспрашивает он.

— То, как ты на мне разлежся.

Я бесстыдно улыбаюсь — и ловлю в его глазах отблеск интереса.

— Пожалуй, такая поза мне по душе, — добавляю я, когда удастся втянуть в себя немного воздуха. — Поначалу ты меня не заинтересовал, но теперь... — И приглашающе приподнимаю бедра.

Он замирает, приоткрыв рот. На краткий миг его тело мне отвечает — бедра движутся навстречу моим.

А потом он разражается смехом.

— Хороший ход! — Он приближает губы к моему уху, и пульс у меня пускается вскачь. — Если я позволю тебе встать, обещаешь не махать руками и ногами?

— А ты? — парирую я.

Все еще смеясь, он поднимается, подбирает с пола мою винтовку. Пока разглядывает серийный номер, я встаю, кипя от негодования, поправляю на себе майку. Наконец мне представилась возможность оглядеться, однако смотреть тут особо не на что. Простыни на кровати скомканы — должно быть, из-за того, чем он со своей «гостьей» занимался тут до моего появления. Не знаю, ревновать или посочувствовать неизвестной жертве чар этого красавца.

Коммуникатор на тумбочке, черная куртка на спинке стула возле окна, пара черных ботинок у дверей. Вот и все. Никаких намеков на то, кем может быть этот незнакомец. На площади среди празднующих я его не видела — и это странно. Зачем он приехал в Хамлетт, если не на День Освобождения? Случайные проезжающие у нас здесь редко встречаются. К западу от Округа Z все ушло под воду, на побережье поселений нет. Система пытается освоить эту территорию заново, но всякий раз новые города и поселки стирает с лица земли очередное землетрясение.